

На правах рукописи

Яценко Мария Вадимовна

**Древнеанглийский христианский эпос:
проблемы жанра поэм Кодекса Юниуса**

Специальность 10.01.03 –
литература народов стран зарубежья (английская)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва

2021

Работа выполнена на кафедре английской филологии института иностранных языков Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет» (ГАОУ ВО МГПУ)

Научный консультант:

Меркулова Майя Геннадиевна, доктор филологических наук, доцент

Официальные оппоненты:

Никола Мария Ивановна, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (МПГУ), кафедра всемирной литературы института филологии, заведующий кафедрой

Ершова Ирина Викторовна, доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (РАНХиГС), институт общественных наук, школа актуальных гуманитарных исследований (ШАГИ), научно-исследовательская лаборатория историко-литературных исследований, заведующий лабораторией

Гвоздецкая Наталья Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), институт филологии и истории, историко-филологический факультет, кафедра английской филологии, заведующий кафедрой

Ведущая организация

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный технический университет» (ФГБОУ ВО НГТУ)

Защита состоится «30»_марта_ 2022 г. в __11__ часов на заседании диссертационного совета Д 850.007.12 на базе ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» по адресу: 105064, г. Москва, Малый Казенный пер., д. 5Б. С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» по адресу: 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4 и на сайте ГАОУ ВО МГПУ www.mgpu.ru.

Автореферат разослан «__» _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Герасимова С.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Средневековая литература представляет собой сложный объект для анализа системы жанров, поскольку в эту эпоху: 1) литература и фольклор еще не были разграничены; 2) не существовало разделения между художественной и научной литературой; 3) литературоведческие категории рода и жанра не были выработаны, либо обозначали понятия, отличные от современных.

Англосаксонская поэзия – наиболее ранняя из поэтических традиций германских народов по времени записи, насколько известно из сохранившихся источников, не обладала собственной нормативной поэтикой. Жанровые границы внутри поэтического наследия англосаксов не воспринимаются как четкие, а выделение основных жанров (героический эпос, элегии, христианский эпос и др.) «весьма условно и возможно только внутри эпоса»¹.

Основной массив древнеанглийской поэзии уцелел в составе четырех крупных рукописей, три из которых (Кодекс «Беовульфа», Эксетерская книга и Верчелльская книга) представляют собой достаточно пестрые собрания текстов разного содержания, формы и размера. Специфика объединения внутри этих манускриптов оказывается менее очевидной по сравнению с рукописью, содержащей поэтические переложения Библии и известной как Кодекс Юниуса (Oxford, Bodleian Library, Junius XI). Она выглядит наиболее продуманной и содержательно целостной за счет: 1) ориентации на Священное Писание; 2) единства функции, которая заключалась в проповеди христианства; 3) наличия автора-авторитета (поэта Кэдмона), которому долгое время приписывались входящие в данную рукопись тексты. Указанные аспекты единства рукописи соотносятся с основными факторами жанрового деления в архаической словесности, что объясняет выбор Кодекса Юниуса (поэм «Бытие», «Исход», «Даниил» и «Христос и Сатана») в качестве **материала исследования** жанрового своеобразия древнеанглийского христианского эпоса.

Актуальность данной работы определяется необходимостью 1) установить особенности влияния христианской традиции осмысления библейского текста на литературную форму древнеанглийского эпоса в целом; 2) уточнить принципы жанрового деления древнеанглийской поэзии и места в ней христианского эпоса как важнейшего жанра; 3) осмыслить семантику приемов построения текста (использование эпических тем и зачинов, эпическая вариация, эпитеты и др.) для изложения христианского содержания; 4) приблизить тексты христианского эпоса современному читателю; 5) снабдить их филологическим переводом и расширенными комментариями.

¹ Мельникова Е. А. Система жанров англосаксонского эпоса // Западноевропейская средневековая словесность / Под ред. Л. Г. Андреева. – М.: Издательство МГУ, 1985. С. 53.

Степень разработанности проблемы. Жанровая специфика древнеанглийской поэзии описывается исследователями в самых общих чертах. Хотя обозначение «христианский эпос» или «религиозный эпос» используется в ряде работ, в них не выявляются характерные для данного жанра критерии, позволяющие осмыслить его как самостоятельное явление. В отечественной традиции преобладают исследования древнеанглийской поэзии лингвистического характера. В них накоплен материал, касающийся анализа отдельных текстов (прежде всего, поэмы «Беовульф» и элегий) и приемов эпического повествования. В зарубежных исследованиях заметно внимание к источникам поэм христианского эпоса. При этом жанровое своеобразие этих произведений остается вне поля зрения ученых.

В качестве **объекта** исследования выступает эпическая традиция англосаксов, переосмысленная для выражения христианских представлений о мире и воплотившаяся в поэмах Кодекса Юниуса («Бытие», «Исход», «Даниил», «Христос и Сатана») в форме христианского эпоса.

Предметом диссертационного исследования являются особенности христианского эпоса как жанра: 1) его культурно-исторические и теоретические аспекты; 2) связь христианского эпоса с фигурой автора-авторитета; 3) использование приемов построения повествования, их семантика; 4) функционирование «малых» жанров или актуальных текстов в эпическом контексте; 5) осмысление исторического прошлого в христианском эпосе; 6) специфика композиционной организации текстов христианского эпоса.

Основной **целью исследования** является выявление жанровых характеристик христианского эпоса англосаксов, описание его структуры и специфики в сравнении с другими жанровыми формами этой традиции.

Структура и логика исследования обусловлены необходимостью решения следующих **задач**: 1) выделить основные теоретические аспекты понятия «христианский эпос» в системе жанров поэзии англосаксов; 2) описать своеобразие культурно-исторических условий бытования древнеанглийского христианского эпоса, его связь с традицией парафразирования Библии и ее истолкования, известной англосаксам; 3) охарактеризовать специфику осмысления фигуры Кэдмона как идеального поэта, автора-авторитета; 4) проанализировать актуальные тексты, лирические и драматические фрагменты, включенные в состав Кодекса Юниуса; 5) установить особенности использования и семантику приемов построения текста традиционного эпоса (зачин, эпические темы, мотивы, аллитерация, ретардация и др.) в христианском эпосе; 6) выявить своеобразие целостности рукописи и сюжетно-

композиционных особенностей входящих в нее поэм; 7) рассмотреть важнейшие приемы осмысления исторического прошлого, используемые в христианском эпосе.

Теоретическую базу исследования составляют работы, посвященные проблеме жанра (Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, В. Е. Хализев, Г. Д. Гачев), специфике средневековой традиции архаического авторства (С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, П. А. Гринцер, А. Д. Михайлов, Д. С. Лихачев, Б. Н. Путилов, М. И. Стеблин-Каменский), эпосу как особому виду текста (Аристотель, М. М. Бахтин, Б. Н. Путилов, Ю. М. Лотман, Г. Д. Гачев, Н. Д. Тамарченко, Е. М. Мелетинский, П. А. Гринцер, А. Д. Михайлов, В. М. Жирмунский, С. Ю. Неклюдов), германской и древнеанглийской поэтической традиции (S. B. Greenfield, J. W. Earl, G. K. Anderson, A. N. Doane, E. B. Irving, R. T. Farrell, P. G. Remley, F. Klaeber, F. C. Robinson, J. H. Wilson, О. А. Смирницкая, Н. Ю. Гвоздецкая, И. Г. Матюшина, Ю. А. Клейнер, Е. А. Мельникова и др.).

Методы исследования определяются поставленными задачами и включают историко-функциональный, сравнительный, типологический, мифопоэтический, герменевтический, семиотический, системный. При анализе лексики использован текстоцентрический подход. **Методология исследования** объединяет приемы, накопленные в разных традициях описания эпоса. (1) Выделенные в работах, соотносимых с «устной» теорией, приемы построения эпического текста (в частности, формульная фразеология, эпические темы, зачины) изучены с точки зрения их семантики в контексте христианского эпоса. (2) Результаты исследований текстов-источников поэм Кодекса Юниуса проанализированы в рамках как сравнительного, так и историко-функционального, семиотического, типологического и герменевтического подходов, что позволяет рассмотреть принципы влияния традиции истолкования Библии на построение повествования и композицию как отдельных текстов, так и Кодекса Юниуса в целом. (3) Представления об авторе, сформированные мифологической школой, школой «неосознанного» авторства, теорией стадийного развития литературы, соотнесены с легендой о поэте Кэдмоне, что дает возможность точнее понять специфику авторства христианского эпоса с целью описания фигуры поэта Кэдмона как знака жанра и стиля рассматриваемых текстов.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые выполнено следующее 1) описывается христианский эпос как самостоятельный жанр поэзии англосаксов; 2) проведен комплексный анализ древнеанглийских поэм на библейские темы с учетом разных традиций осмысления эпоса; 3) проводится изучение всего свода древнеанглийских библейских парафраз Кодекса Юниуса как целостного эпического повествования на разных уровнях текста (от организации сюжета и композиции до приемов

построения текста и особенностей создания образов); 4) выявлены и проанализированы принципы влияния разных аспектов христианской традиции (экзегезы, гимнографии, литургической практики) на жанровую природу христианского эпоса; 5) выделяются «малые» жанры, входящие в состав древнеанглийского христианского эпоса, устанавливаются принципы описания их актуального воздействия на ситуацию; б) христианский эпос описан как особый способ осмысления исторического прошлого, проведено его сравнение с христианской историографией; 7) в научный оборот на русском языке вводятся поэмы «Даниил» и «Христос и Сатана», предпринимается их развернутый анализ; 8) прокомментированы тексты христианского эпоса и созданы переводы поэм «Исход» и «Даниил» на русский язык с применением принципов аллитерационного стихосложения.

Теоретическая значимость работы заключается в 1) уточнении специфики терминологического использования обозначений «библейская парафраза», «библейское переложение», «христианский эпос» и смыслового наполнения последнего применительно к древнеанглийской поэтической традиции; 2) сравнении героического и христианского эпоса англосаксов; 3) выявлении основных принципов выделения жанра христианского эпоса применительно к древнеанглийской поэзии; 4) выработке подходов к анализу приемов построения текста христианского эпоса с точки зрения их семантики в контексте христианской традиции; 5) определении структурных особенностей «малых» жанров англосаксонской традиции и их функционирования в составе эпического повествования; б) осмыслении фигуры автора-авторитета как знака жанра и стиля христианского эпоса.

Практическая значимость работы состоит в возможности применения ее основных положений для анализа системы жанров поэзии англосаксов, других текстов христианского эпоса, а также шире – традиции изложения Библии языком художественной литературы. В вузовском преподавании результаты исследования могут быть использованы при подготовке лекционных курсов по истории зарубежной литературы Средних веков, факультативов по истории древнеанглийской литературы и раннехристианской литературы в целом. Созданные в ходе исследования переводы и комментарии впервые познакомят русского читателя с наследием древнеанглийского христианского эпоса в форме, наиболее близкой оригиналу.

Соответствие содержания диссертации паспорту научной специальности, по которой она рекомендуется к защите. Диссертация соответствует специальности «10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (английская)». Диссертационное исследование выполнено в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности: п.1 «Роль

литературы в формировании облика художественной культуры народов стран зарубежья, в определении путей их общественно-духовного развития»; п.3. «Проблемы историко-культурного контекста, социально-психологической обусловленности возникновения выдающихся художественных произведений»; п.4. «История и типология литературных направлений, видов художественного сознания, жанров, стилей, устойчивых образов прозы, поэзии, драмы и публицистики, находящих выражение в творчестве отдельных представителей и писательских групп»; п.6. «Взаимодействия и взаимовлияния национальных литератур, их контактные и генетические связи».

Основные положения, выносимые на защиту

1. Древнеанглийский христианский эпос (поэмы Кодекса Юниуса, а также поэмы на евангельские и агиографические сюжеты «Христос I–III», «Елена», «Андрей», «Юлиана» и др.) представляет собой жанр поэзии англосаксов, сформировавшийся как синтез разных традиций словесности: народной устно-поэтической, античной и христианской. Последняя отражала такие аспекты христианской культуры, как приемы истолкования библейских текстов (экзегеза), богослужebная практика (гимнографические тексты и литургические образы), моральные идеалы, стереотипы поведения, переосмысленные в древнеанглийской культурной среде.

2. Древнеанглийская поэтическая традиция наследует представления об авторе, характерные для библейской традиции, а также для легенд о переводчиках Библии. Идеальная и сакрализованная фигура поэта Кэдмона, созданная в «Церковной истории народа англов» Беда Досточтимого (VIII в.), выступала в роли автора-авторитета в течение длительного времени и являлась своеобразной «санкцией» для записи текстов христианского эпоса англосаксов в конце X–начале XI вв.

3. Термин «христианский эпос» подразумевает комплексное (т. е. на всех уровнях текста) переосмысление библейского материала и ряда других источников разного рода как с позиций эпической героики, так и с точки зрения христианской традиции. Термины «библейское переложение» и «библейская парафраза» не могут являться адекватными жанровыми обозначениями, они соотносимы с произведениями, предполагавшими более тесную связь с текстом-источником, что не было характерно для древнеанглийского материала.

4. Сходство поэм Кодекса Юниуса с героическим эпосом англосаксов просматривается на разных уровнях: приемы построения текста, характерные для эпоса (зачины, эпические темы, ретардации, эпитеты и др.); особый тип героики (героями руководит не стремление к личной славе, но служение Богу и своему народу). Доступность

описываемых событий оценке, критическому осмыслению присуща как христианскому эпосу, так и «Беовульф», что является характерной чертой эпоса англосаксов.

5. Многоаспектное влияние традиции библейской экзегезы на древнеанглийский христианский эпос является его важнейшим отличием от героического эпоса. Основные приемы построения повествования, присущие всему эпическому наследию англосаксов (зачин, эпические темы, формульные выражения и пр.), использовались в христианском эпосе для передачи разного рода аллегорических смыслов описываемых сюжетов и образов (нравственного, типологического, анагогического). Приемы истолкования библейского текста становились методами организации повествования, они влияли прежде всего на логику соединения частей Кодекса Юниуса.

6. Подобно героическому эпосу, христианский эпос не является рассказом об историческом прошлом англосаксов, но остается особым способом осмысления истории. Наличие у англосаксов жанра христианской историографии, излагавшего историю языком библейских аллюзий, предполагало установление ассоциаций между событиями Священной истории и историческим прошлым англосаксов. Выявление в церковной историографии и христианском эпосе схожих библейских топосов позволяет говорить о культурной значимости последних, а следовательно, и о понимании Священной истории как продолжающегося процесса, рассказ о котором обращен непосредственно к англосаксам.

7. Кодекс Юниуса представляет собой особого рода единство (уникальное для всего корпуса поэзии англосаксов) – эпический по масштабу и духу нарратив, охватывающий историю от Сотворения мира до Страшного Суда. Целостность рукописи обусловлена спецификой конфликта, структура которого повторяет традиционную для германского эпоса модель, но с акцентом на проблеме нравственного выбора: завязка конфликта (противостояние Бога и Сатаны) появляется в поэме «Бытие» и воспроизводит архетипическую ситуацию перебранки перед битвой, в поэме «Исход» конфликт перерастает в битву, в «Данииле» подробно рассмотрена проблема природы греха и покаяния. В центре поэмы «Христос и Сатана» – описание страданий грешников и падших ангелов, а ее концовка возвращает к ситуации перебранки. Описание конфликта между Христом и Сатаной во время искушения в пустыне, помещенное в финале Кодекса, акцентирует внимание на проблеме нравственного выбора.

8. Значительным для организации Кодекса Юниуса было влияние церковной гимнографии: отдельные ее тексты перелагались в поэтической форме (парафразы Песни трех отроков и Песни Азарии) и включались в эпический контекст; зачин первой поэмы Кодекса связан с центральной частью христианского богослужения – анафорой; объединение

в одной рукописи сюжетов Книги Исход и Книги пророка Даниила обусловлено богослужебной последовательностью; образность Псалтири и мотивы покаянных молитв влияли на организацию ряда фрагментов (пролог «Даниила», фразеология).

9. Христианский эпос англосаксов включал в себя компоненты, относящиеся к не эпическим жанрам: «малые» жанры или актуальные тексты, направленные на непосредственное воздействие на ситуацию; размышления падших ангелов и грешников, соотносимые с жанром элегии; диалогические эпизоды. Наличие этих фрагментов являлось признаком синкретической природы христианского эпоса, предполагавшей объединение лирических и драматических компонентов.

10. Переложения песнопений, относящиеся к «актуальным» текстам или «малым» жанрам, обладали рядом особенностей, выделяющих их на фоне эпического нарратива как самостоятельные жанры: типичная композиция; обращенность к нескольким адресатам; изменение объекта описания и временной соотнесенности на протяжении повествования; усложненный рисунок аллитерации, паронимическая аттракция; использование специфических синтаксических приемов (эпифора, анафора, вынесение глагольных форм в начало долгой строки). Указанные структурные и стилистические характеристики этих текстов, а также пути их включения в нарратив показывают связь с древнейшей традицией актуальных текстов и определенное сходство с древнеисландской поэзией.

Апробация работы проводилась на научных конференциях разного уровня. Среди них: Международная филологическая конференция СПбГУ в секциях «Библия и христианская письменность» (2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2018), «История зарубежных литератур» (2014, 2017, 2019) и «Сравнительная поэтика» (2016, 2018); научная конференция аспирантов и молодых ученых ИМЛИ РАН (2012, 2013, 2014, 2015); II и III Чтения по истории позднеантичной и средневековой христианской литературы ИМЛИ (2012, 2014); итоговые научные конференции ИвГУ в секциях «Художественный текст и культура» (2012), «Текст. Культура. Перевод» (2013), «Художественное слово в пространстве культуры. Зарубежная литература: взгляд из XXI века» (2017, 2020); «Индоевропейское языкознание и классическая филология (чтения памяти И. М. Тронского)», ИЛИ РАН (2015, 2016, 2017, 2018, 2020, 2021); X Поспеловские чтения: «Художественный текст и культурная память», МГУ (2011); Всероссийская научная конференция «Традиция и новаторство в литературе и искусстве», РГПУ (2017, 2019); «Гаспаровские чтения», РГГУ (2019); VI Международная научно-практическая конференция «Духовно-нравственные основы русской литературы», КГУ (2017); V Международная конференция «Фатющенко-ские чтения. Феномен творческой личности в культуре», МГУ (2012); III конференция по иудаике и востоковедению,

Петербургский институт иудаики (2013); Летняя школа «Скандинавия и Русь в древности и раннем Средневековье», Старая Ладога (2014); Семинар «Библия и перевод» при кафедре библеистики СПбГУ (2015); «Международный Балтийский студенческий форум: Глобальные и региональные коммуникации: настоящее и будущее» в рамках конференции для преподавателей «Современная филология и проблемы преподавания филологических дисциплин студентам нефилологических факультетов», СПбГУТ (2010, 2011, 2012, 2016, 2017, 2020); 63-я научно-техническая конференция профессорско-преподавательского состава научных сотрудников и аспирантов СПбГУТ (2011); II Международная научно-техническая и научно-методическая конференция «Актуальные проблемы инфокоммуникаций в науке и образовании», СПбГУТ (2013); Международная научная конференция преподавателей английской литературы «Литература и память: теоретическая парадигма, жанры, контексты», Большое Болдино (2021).

Объем и структура диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав и заключения, а также из четырех приложений, в которые вошли переводы на современный русский язык двух поэм Кодекса Юниуса («Исход» и «Даниил»), снабженные предисловием и подробными комментариями. Общий объем диссертационного исследования – 557 страниц, основной текст – 368 страниц, список литературы составляет 474 единицы на русском, английском, немецком, французском и латинском языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** излагаются основные аспекты описания жанровой проблематики литературы Средневековья, а также обосновывается актуальность темы, новизна, теоретическая и практическая значимость исследования.

На становление средневековых европейских литератур оказали влияние как христианское мировоззрение и традиция истолкования Священного Писания, так и античные авторы, и народная устная словесность. Все эти традиции обладали самостоятельными системами жанров, механизмы взаимодействия между которыми часто скрыты от нас, что осложняет понимание произведений словесности этого времени.

Большая часть текстов поэзии англосаксов посвящена христианским темам, а произведения героического эпоса (прежде всего, поэма «Беовульф») испытали влияние христианского мировоззрения. По этой причине основой анализа системы жанров древнеанглийской поэзии может стать именно осмысление природы эпоса англосаксов и влияния на него христианства, а центральное место в рассмотрении системы жанров должно занять изучение христианского эпоса. Описание данного жанра должно учитывать те

подходы, которые выработаны по отношению к средневековой литературе, а именно: 1) принципы выделения отдельных жанров (важнейшим из них является функция текста) и 2) принадлежности текста определенному автору-авторитету (термин С. С. Аверинцева), условная (чаще всего легендарная) биография которого соотносится с теми аспектами природы текста, которые можно назвать его жанровыми характеристиками². Не менее важным в исследованиях средневековых литератур оказываются 3) основные компоненты текста, модели построения высказывания, усвоенные или трансформированные в определенной традиции.

В главе 1 *«Древнеанглийский христианский эпос в системе жанров: проблемы теоретического осмысления»* рассматриваются теоретические составляющие понятия «христианский эпос» через анализ этого жанра в контексте других жанров, известных англосаксам.

Первый параграф *«Древнеанглийский христианский эпос и латинские библейские парафразы: проблемы терминологии и жанрового влияния»* посвящен соотнесению древнеанглийских поэм на библейские темы с латиноязычной традицией переложения Библии, сформировавшейся в первые века христианства и известной англосаксам.

Переложения Библии языком художественной литературы были известны еще в ветхозаветные времена. Основные цели раннехристианских переложений можно определить следующим образом: 1) изложение библейской истории языком, понятным и эстетически близким людям, воспитанным на античной литературе; 2) разъяснение и истолкование библейских сюжетов, а также связи Нового и Ветхого Заветов; 3) воспитание и наставление, т. е. собственно проповедь новой религии.

Сравнение позднеантичной и древнеанглийской традиции переложения Библии показывает их онтологическое различие. Во-первых, литературное мышление Античности являлось жанровым³, латинские парафразы возникали в тот период, когда жанровые формы данной литературной традиции были уже вполне выделены и осознавались как таковые. Литература Средневековья, хотя и использовала наследие Античности, но не повторяла ее категорий поэтики, а в древнеанглийской традиции не было еще рефлексии жанровых форм.

² См. об этом *Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В.* Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. С. 10–11.

³ *Гаспаров М. Л.* Литература европейской Античности. Введение // История всемирной литературы. В 9 т. Т.1. М.: Наука, 1983. С. 308.

Во-вторых, авторская принадлежность текста в Античности предполагала возможность интертекстуальной игры и обыгрывание реминисценций, на котором основан, например, жанр центона. Однако в древнеанглийской традиции более или менее стабильный набор формул и формульных выражений не мог восприниматься как часть интертекстуальной игры, поскольку он является принадлежностью всех текстов героического и христианского эпоса, а также поэм явно письменного происхождения. Это дает основания относить древнеанглийские поэмы не к авторскому, а к коллективному творчеству, к традиции, восходящей к устному эпосу.

Латинские поэмы на библейские темы, а вслед за ними и древнеанглийские сочинения, обычно называют «парафраза Библии», «библейское переложение», однако эти словосочетания не могут являться полноценными жанровыми обозначениями. Во-первых, они предполагают тесную связь с источником, т. е. Библией, и могут относиться к текстам, близко следующим исходному тексту, что не было характерно для древнеанглийской традиции. Во-вторых, данные словосочетания исторически связаны с грамматическим или риторическим упражнением при обучении оратора – парафразированием, которое не использовалось в древнеанглийской традиции. Поэтому логичнее относить данные термины к произведениям поздней Античности, а также к текстам, близко следующим определенному источнику (например, в древнеанглийской традиции это парафразы Песни трех отроков из поэм «Даниил» и «Азария»). Древнеанглийские поэмы на библейские и агиографические сюжеты соотносимы с целым рядом источников, а потому словосочетание «парафраза Библии» не может быть их адекватным жанровым обозначением.

Термины «библейский эпос» или «христианский эпос» являются вполне логичными жанровыми наименованиями для эпохи Средневековья, поскольку в это время жанры возводились к Ветхому Завету (Исидор Севильский, Беда Досточтимый и др.). По отношению к древнеанглийским поэмам «христианский эпос» является более точным термином, поскольку в них выражена проповедь христианства как самостоятельной религии, а также отражена христианская традиция понимания ветхозаветных сюжетов и образов.

Во втором параграфе первой главы *«Христианский эпос в системе жанров древнеанглийской поэзии: проблемы описания»* излагается история изучения и основные проблемы описания системы жанров древнеанглийской поэзии.

В современных зарубежных исследованиях часто отсутствует деление древнеанглийской поэзии на жанры, выделяются лишь отдельные тематические разделы. В раздел «Библейская литература» попадают и развернутые поэтические переложения, и парафразы отдельных песнопений, и прозаические переводы. Для отечественных

исследований традиционно характерен большой интерес к проблеме жанра. Ученые отмечают, что ряд текстов поэзии англосаксов может относиться к нескольким жанрам одновременно⁴, а деление внутри системы жанров древнеанглийской поэзии «весьма условно и возможно только внутри эпоса»⁵.

Внутри системы жанров древнеанглийской поэзии можно выделить две более или менее четкие оппозиции. Первая: «актуальные тексты – эпос». Критерием этого противопоставления является «актуальный» – «ретроспективный» характер. Недостаточная изученность актуальных текстов в древнеанглийской поэзии не позволяет описать эту оппозицию достаточно четко.

Вторая, более четкая оппозиция «эпос–элегии» осложнена тем, что 1) элегия тематически тесно связана с эпосом; 2) ряд произведений гомилетического содержания, по настроению и содержанию близких элегиям, не содержит повествовательного компонента (описание судьбы героя), но лишь размышления о жизни и отношениях человека с Богом или человеческой души с телом; 3) в англосаксонском героическом и христианском эпосе содержатся элегические фрагменты.

Факторами, определяющими разграничение элегии и эпоса, являются: 1) наличие в эпосе сюжета, более сложного, чем рассказ о несчастьях отдельного человека; 2) отсутствие в эпосе подробных описаний плана настоящего, в котором пребывает герой элегии, и 3) характерный для элегий взгляд на мир, не предполагающий его полного приятия. Важным для древнеанглийской элегии является идея разделения и противопоставления того, что главный герой имеет, и того, к чему он стремится.

Таким образом, жанровая система поэзии англосаксов представляет собой сложное единство. Произведения христианской тематики (прежде всего, ряд элегий гомилетического содержания и переложения песнопений) занимают в ней особое место, что показывает их значимость для понимания природы жанров поэзии англосаксов.

Природа эпоса англосаксов также обусловлена христианским мировоззрением. Один из крупнейших эпических текстов, поэма «Беовульф», представляет собой сложное в жанровом отношении явление. Специфика ее объясняется во многом отсутствием ярко выраженной национальной идеи. Ее сюжетная основа (по сути своей – героическая) переосмыслена с точки зрения общечеловеческих нравственных идеалов. Существенным

⁴ Мельникова Е. А. Система жанров англосаксонского эпоса. С. 53–54; Смирницкая О. А. Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия. М.: Наука, 1982. С. 183–185.

⁵ Мельникова Е. А. Система жанров англосаксонского эпоса. С. 53.

жанровым отличием «Беовульфа» от эпосов других народов является доступность эпического мира оценке⁶ с точки зрения христианской системы ценностей.

Исследования влияния христианской патристики на поэзию англосаксов активно начались с середины XX века. Однако вопрос об уровне образования сочинителей поэтических текстов и их осведомленности в христианской науке, как и о степени образованности их возможной аудитории, остается открытым. Наиболее перспективным и активно развивающимся направлением изучения древнеанглийских поэм на христианские темы является поиск их источников, а также проблема соотношения германской и латино-христианской основы данных текстов. Ученые в целом согласны, что ни один из «источников» не играл определяющей роли для композиции, замысла или основной идеи древнеанглийских поэм Кодекса Юниуса, как и большинства поэм христианской тематики, однако описание природы этой уникальности пока последовательно не проводилось. А сама проблема жанра и внутреннего мира этих произведений остается не изученной.

В третьем параграфе первой главы «Христианский и героический эпос англосаксов: проблемы определения жанра» осмысливаются основные подходы к описанию эпоса как отдельного жанра и возможность их применения по отношению к героическому и христианскому эпосу англосаксов.

История изучения христианского эпоса в исследованиях XIX–XX веков показывает, что его адекватный анализ должен решить следующие задачи: 1) определить отличия христианского эпоса от героического эпоса; 2) осмыслить уникальность его стилистических характеристик; 3) проанализировать разножанровые фрагменты, входящие в его состав, и принцип их соединения.

Существенным для понимания отличий христианского эпоса от эпоса героического является учет общетеоретических моментов, относящихся к природе жанров литературы раннего Средневековья. В качестве основных характеристик, присущих эпосу в целом и отличающих его от литературы Нового времени, нами были взяты аспекты, которые выделил М. М. Бахтин при соотнесении эпопеи и романа⁷. Применение этих характеристик для анализа героического и христианского эпоса англосаксов позволило установить, что, подобно героическому эпосу англосаксов, христианский эпос характеризуется особым типом эпической дистанции, поскольку является рассказом не о собственном героическом прошлом, а о прошлом иных народов; обладает типом героики, схожим с героикой

⁶ Смирницкая О. А. Поэтическое искусство англосаксов. С. 225.

⁷ Бахтин М. М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. С. 456.

архаического эпоса и Ветхого Завета, которая не знает еще любования отдельной героической личностью.

Так как литература Средневековья была тесно связана с фольклором, для выявления отличительных характеристик христианского эпоса были применены критерии выделения жанров в фольклоре⁸. Среди них дифференциальными для христианского эпоса можно назвать тематику повествования, функцию текста, его достоверность, сакральность, временную соотнесенность событий рассказа и рассказывания, временной охват.

В результате анализа было установлено, что, в отличие от героического эпоса, христианский эпос: 1) целиком посвящен сюжетам Священной истории; 2) содержит открытую проповедь христианской системы ценностей, выраженную в прямой речи персонажей, либо в парафразах богослужебных песнопений; 3) время рассказа максимально широко, оно охватывает общемировую историю с момента создания мира до Страшного Суда (а не сосредотачивается вокруг отдельных решающих моментов истории народа, как в героическом эпосе); 4) библейская тематика является сакральной в христианском обществе, что усиливает степень достоверности, свойственную эпосу как жанру; 5) смыкание времени рассказа и самого рассказывания в ряде случаев обеспечивает отнесение описываемых событий непосредственно к аудитории и усиливает дидактическую функцию.

Сравнение христианского и героического эпоса было проведено также с учетом основных характеристик эпического, выделенных Н.Д. Тамарченко⁹. Среди них наиболее значительным является своеобразие фрагментарности описываемых событий. В «Беовульфе» повествование выхватывает ключевые моменты существования героического мира: пиры и сражения. Фрагменты, из которых складывается нарратив героического эпоса, подчинены хронологической последовательности. В христианском эпосе фрагментарность сочетается с нарушением хронологической последовательности. Выбор и соположение фрагментов повествования обусловлены традицией библейской экзегезы, либо использованием принципа *exempla*, за счет чего они приобретают дополнительный смысл.

Существенным аспектом, отличающим христианский эпос от героического, является особый тип события. В центре эпоса остается конфликт добра и зла. Характерным для христианского эпоса становится способ его описания. Сражение перестает быть в христианском эпосе главным, более важным оказывается диалог либо словесный поединок.

⁸ За основу была взята работа: Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик С. Е. Статус слова и понятие жанра в фольклоре // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. С. 39–104.

⁹ Тамарченко Н. Д. Эпика // Теория литературы. Т. III. Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении) / Ред. С. Г. Бочаров и др. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 219–244.

Среди выделяемых Н.Д. Тамарченко аспектов эпического конфликта актуальным для древнеанглийского материала можно назвать нарушение неустойчивого равновесия мировых сил. Этот аспект в полной мере относится к завязке и основному конфликту как «Беовульфа», так и Кодекса Юниуса. Конфликт в каждой поэме Кодекса описан как вполне конкретное событие прошлого, но противостояние сил добра и зла осмысливается как общечеловеческая проблема. Герои христианского эпоса представлены в момент нравственного выбора. Описания бесов, намеревающихся соблазнить человека, первых людей после грехопадения, возроптавших израильтян в пустыне, трех отроков в огненной печи, приносящих покаяние от лица всего народа, царя Вальтасара, услышавшего пророчество о своей близкой гибели, а также падших ангелов и грешников, мучающихся в аду, призваны акцентировать внимание на том, что равновесие мировых сил зависит от выбора отдельного человека.

Глава 2 «Культурно-исторические условия сложения и проблема авторства древнеанглийского христианского эпоса» посвящена анализу контекста существования христианского эпоса англосаксов и основных исторических факторов, повлиявших на формирование представлений об авторе в эту эпоху.

В первом параграфе «Культурно-исторический контекст существования поэтической традиции и традиции рецепции библейского текста в Древней Англии» рассматриваются исторические аспекты сложения древнеанглийской поэзии, среди которых особое внимание уделяется истории рецепции библейского текста.

Древнеанглийская поэзия имела долгую историю устного существования, восходящую к прагерманскому прошлому. Однако запись этой поэзии начала осуществляться только в середине VIII века, а большая часть рукописей датируется концом X–началом XI века, эпохой расцвета монастырской культуры, которую называют Бенедиктинским возрождением.

Древнеанглийская традиция образования, книжности, чтения и истолкования Библии была одной из самых развитых в раннесредневековой Европе, она использовала достижения восточного и западного христианства. Комментарии на Священное Писание, необходимые для просвещения и наставления, предполагавшие синтез приемов культурно-исторического и аллегорического истолкования, создавались англосаксами до IX–X века преимущественно на латыни. Активное развитие духовной словесности на древнеанглийском языке (перевод книг Библии и ряда богослужебных текстов, создание проповедей, агиографии и пр.) происходило в X–XI веках одновременно с записью большинства текстов древнеанглийской поэзии.

Запись древнеанглийской поэзии началась с поэзии на христианские темы, включение которой в сферу письменной культуры стало возможным в середине VIII века в Нортумбрии в связи с появлением полулегендарного поэта Кэдмона. Первое записанное произведение древнеанглийской поэзии «Гимн Кэдмона» можно назвать «авторским»: он был записан сначала на латыни в тексте «Церковной истории народа англов», а затем – на полях ее рукописи на древнеанглийском языке.

Во втором параграфе «Проблема авторства древнеанглийской поэзии и принципы сакрализации образа поэта Кэдмона в «Церковной истории народа англов»» рассматриваются основные аспекты авторства произведений древнеанглийской поэзии и подробно анализируется легенда о поэте Кэдмоне.

Сохранившиеся сведения о создателях древнеанглийской поэзии показывают, что авторство в этой традиции необходимо рассматривать в контексте представлений, свойственных архаической эпохе, где важен не реальный исторический автор, а то достоинство, которое ему приписывает определенная культурно-историческая общность. Легенда о Кэдмоне, включенная в «Церковную историю народа англов» Беды Досточтимого, является наиболее ранней по времени записи, в ней есть указание, что Кэдмон получил поэтический дар во сне и излагал стихами на языке англов многие события Священной истории. По этой причине именно данный текст оказывается в центре внимания при изучении поэзии на библейские темы.

Существующие исследования рассматривают Легенду о Кэдмоне главным образом как историческое свидетельство, в реферируемой работе предпринят ее анализ как художественного текста, отражающего историю сложения в древнеанглийской традиции образа автора-авторитета поэм на библейские темы. Ведущими средствами в создании образа Кэдмона являются умолчания и библейские аллюзии. Текст легенды не дает возможности точно определить ни имя главного героя, ни род его занятий, ни происхождение, ни то, какие песни исполняли на пиру сотрапезники Кэдмона, ни то, кто явился ему в чудесном сне. Табуированность имени главного героя, сохранялась и в дальнейшей традиции (предисловие к древнесаксонской поэме «Бытие», рассказ Вильяма Мальмсберийского о мощах Кэдмона), что свидетельствует о сакрализации данного образа в культуре.

Библейские аллюзии на центральные события ветхозаветной (Неопалимая купина) и новозаветной (Рождество Христово) истории, а также ассоциации образа главного персонажа с пророком Моисеем, апостолами Петром и Павлом, Иисусом Христом позволяют воспринимать историю Кэдмона как одну из центральных в «Церковной истории».

В третьем параграфе *«Формирование фигуры автора-авторитета древнеанглийского христианского эпоса (Легенда о поэте Кэдмоне в культурно-историческом контексте)»* рассматривается история сложения фигуры автора-авторитета в древнеанглийской традиции.

Соотнесение Легенды о поэте Кэдмоне с традициями кельтской и римской агиографии показывает их объединение в тексте. Фигура Кэдмона может быть прочитана не только как аллегория принятия в лоно Церкви вчерашнего язычника и признания возможности использования для проповеди приемов исконно языческой поэзии. Не менее значимой является и возможность соотнесения Легенды с ирландской христианской традицией, в рамках которой проповедь Слова Божия с учетом приемов народной (языческой по происхождению) поэзии понималась как вполне возможная.

Сравнение Легенды о Кэдмоне со свидетельствами о других людях, сочинявших стихи на библейские темы (Беде Досточтимом, короле Альфреде и Альдхельме Мальмсберийском), показывает наличие в них ряда общих топосов (образованность, смирение, отношение к языческой культуре и наставлению паствы), которые восходят к легендам о переводчиках Библии. В качестве авторитетного автора поэм на библейские и агиографические темы в древнеанглийской монастырской среде с конца VII века могла восприниматься фигура образованного интеллектуала Альдхельма Мальмсберийского, владевшего античной ученостью, латинским языком и искусством стихосложения как на латыни, так и на своем родном языке. В это время возникла и полулегендарная фигура поэта Кэдмона, которая стала в определенный момент восприниматься как более авторитетная, вероятно, за счет Легенды, изложенной Бедой.

Высокое авторское достоинство Кэдмона предполагало придание его поэзии статуса священной, что уподобляло ее в глазах англосаксов тексту Библии. Признание богодухновенности дара поэта Кэдмона становилось своеобразной санкцией для записи его текстов, хотя особый характер сакрализации имени первого христианского поэта предполагал его длительную табуированность.

Глава 3 *«Приемы построения эпического текста как средства передачи христианской семантики в поэмах Кодекса Юниуса»* посвящена анализу отдельных средств построения эпического текста в связи с выражаемой ими христианской семантикой.

В первом параграфе *«Зачины поэм Кодекса Юниуса как средство ориентации на богослужебную и экзегетическую традицию»* затрагивается проблема анализа приемов построения текста в древнеанглийской традиции в контексте их семантики, а также анализируются зачины поэм Кодекса Юниуса.

Поэтика эпического текста традиционно анализируется через основные приемы его построения (формулы и формульные выражения, эпические темы, зачины, эпическая вариация). Однако для понимания природы письменного эпоса существенной является семантика этих приемов, пути их использования для выражения христианских смыслов.

Зачин, предполагавший в героическом эпосе указание на известность тех или иных событий и прославление главных героев, в христианском эпосе мог продолжать эту традицию («Даниил»), а мог приобретать форму, отличную от традиционной, и ориентироваться на христианскую гимнографию. Так, зачин поэмы «Бытие» синтаксически организован отлично от зачинов героической поэзии, он содержит призыв славить Бога «*Us is riht micel/ ðæt we rodera weard, // wereda wuldorcining, / wordum herigen, // modum lufien!*» – «Достоинно есть (досл. – очень праведно есть), / что мы неба Хранителя, / мужей славного Конунга, / словами хвалим, / духом превозносим!» (Gen 1–3)¹⁰. Данный призыв соотносим с восклицанием анафоры – центральной части литургии («*Dignum et iustum est*» или «*Vere dignum et iustum*» в разных традициях).

В зачине поэмы «Исход» имеется указание на *Moyses domas* («суды/ заветы Моисея»), хотя при этом описывается не ветхозаветное законодательство, а Заповеди блаженства. В этом кажущемся несоответствии заложена аллегория, которая в данном случае призвана сориентировать читателя на понимание Ветхого Завета в свете Нового. Этот принцип понимания Библии являлся основой христианской экзегезы, потому зачин «Исхода» может быть воспринят как аллюзия на то, что именно экзегетическая традиция лежит в основе организации текста.

Во втором параграфе «Эпическая вариация как средство побуждения к аллегорезе» рассмотрены наиболее яркие случаи использования эпических вариаций, в построении которых видна связь с традицией аллегорического истолкования.

Основной функцией приема эпической вариации в древнеанглийской поэзии было именование одной и той же реалии с разных точек зрения. В поэме «Исход» возникает описание покрыва, полога, ведущего израильтян в дневное время и защищающего их от палящего солнца: «*Dægsceades hleo // wand ofer wolcnum. / Hæfde witig God // sunnan siðfæt / segle ofertolden, // swa þa mæstrapas / men ne cuðon, // ne ða seglrode / geseon meahton, // eorðbuende / ealle cræfte, // hu afæstnod wæs / feldhusa mæst.*» – «Покров ежедневную тень // струился над облаками. / Премудрый Господь // солнцу путь закатный / парусом преградил, //

¹⁰ Текст поэмы «Бытие» цитируется по изданию: Genesis A: A New Edition / Ed. by A. N. Doane. Madison: University of Wisconsin Press, 1978. 416 p. с указанием номера строки и сокращением Gen – Genesis. Перевод древнеанглийских текстов выполнен автором диссертации.

так что корабля оснастки/ народ не видел,// и той мачты судовой/ узреть не сумели// землежители/ всем своим искусством,// того, как упрочена была/ полевая хоромина//» (Ex 79–85)¹¹.

Эпическая вариация именований, описывающих покров, здесь объединяет целый ряд образов: парус, оснастка корабля, мачта и дом. Данная вариация может быть прочитана как история общения человека с Богом: Он являет себя как сила защищающая, но пока человек связан с земным миром, он не может познать Бога. Связь внутри данной эпической вариации можно понять лишь на аллегорическом уровне через ассоциации с кораблем как символом Церкви. Так, мачта и парус в описании небесного корабля не случайно названы словом *seglrode* (Ex 83) (досл. «парус+распятие/крест/посох»), которое можно воспринимать как обозначение Креста Христова, являющегося основанием новозаветной Церкви.

В ряде других эпических вариаций, входящих в состав христианского эпоса, параллельно с прямым описанием возникает и описание, толкующее образ в свете традиционных для христианства аллегорических смыслов. За счет этого расширяется функция эпической вариации: помимо повторного именовании одного и того же предмета, она способствует созданию символического образа и воспроизведению христианской аллегории.

В третьем параграфе «Построение эпизода как средство создания развернутой аллегории» рассматриваются основные принципы создания эпизодов, которые позволяют прочитывать их как аллегорические.

Одним из примеров развернутой аллегории является описание битвы в «Исходе». Переход через Красное море осмысливается в святоотеческой традиции как аллегория крещения и победы над грехом. Хотя рассказа о битве нет в ветхозаветном повествовании, в древнеанглийском «Исходе» появляется развернутое описание приготовления двух армий к сражению и краткое описание боя. При этом используются характерные для эпоса приемы построения эпизода: воспроизводятся эпические темы и мотивы (в частности темы «зверей и птиц битвы», изгнания, смерти). Совокупность этих средств позволила создать в «Исходе» развернутую аллегорию, не раскрытую в тексте, но содержащую лишь ряд элементов, которые могли способствовать ее разгадыванию.

Аллегорический характер битвы в «Исходе» может быть понят на уровне синтаксиса (само сражение описывается в одной эпической вариации, где нет глаголов, обозначающих

¹¹ Здесь и далее текст поэмы «Исход» цитируется по изданию: Exodus. The Old English Exodus / Ed. with Introduction, Notes and Glossary by E. V. Jr. Irving. New Haven: Yale University Press, 1953. 134 p. с указанием номера строки и сокращением Ex – Exodus.

действие). Описания двух противоборствующих армий схожи, различия между ними можно провести лишь за счет аллегорических деталей.

В четвертом параграфе «Ретардация как средство аллегорического осмысления образов» подробно рассматривается крупная ретардация, содержащаяся в поэме «Исход», которая встраивается в рассказ о переходе через Красное море.

Прием ретардации, предполагавший замедление эпического повествования, в христианском эпосе использовался для создания многосложной типологической параллели, разгадывание которой способствовало усвоению приемов истолкования библейского текста. Рассказ о праотцах, включенный в описание перехода через Красное море, позволял выстроить типологическую параллель историй чудесного спасения.

Заключительная часть ретардации содержит эпические вариации, где происходит наложение друг на друга ряда образов, связанных с историей обретения Завета и строительством храма: «*Haliges hæsum;/ heahlond stigon// sibgemagas,/ on Seone beorh.// Wære hie þær fundon/ (wuldor gesawon),// halige heohtreowe,/ swa hæleð gefrunon.// – þær eft se snottra/ sunu Dauides,// wuldorfæst cyning,/ wigan larum// getimbrede/ tempel Gode,// alh haligne,/ eorðcyninga// se wisesta/ on woruldrice,// heahst and haligost,/ hæledum gefrægost,// mæst and mærost,/ þara þe manna bearn,// fira æfter foldan,/ folmum geworhte.//*» – «По повелению священному/ на кручу взобрались// сородичи,/ на гору Сионскую.// Завет они там обрели,/ славу узрели,// святой договор,/ что воины ведали.// Там тот мудрый/ сын Давидов,// конунг, славу стяжавший,/ по советам пророка// устроил/ храм Господень,// церковь священную/ из конунгов мира сего// наимуудрейший,/ в царстве земном// возвышенный и святейший,/ воинам известнейший,// величайший и знатнейший/ из всех мужей сынов,// для людей на земле (досл. людям после земли)/ руками сработал.//» (Ex 385–396).

Варьирование здесь наименований договора, завета дает основания соотносить данный пассаж с целым рядом ветхозаветных и новозаветных историй заключения Завета с Богом. Во второй части фрагмента грамматическая специфика эпической вариации (ряд прилагательных в превосходной степени) конкретным образом обозначает необходимость использования приема аналогии, то есть «возведения к высшему смыслу», для понимания смысла типологических параллелей.

Смешение двух параллельных рядов вариации (серия прилагательных в превосходной степени может относиться как к «сыну Давида», так и к Храму, который он построил) вызывает ассоциации с историей сравнения Христом Своего Тела с Храмом (Ин. 2:19–21). Прием аналогии, то есть возведения к более высокому, за счет наложения ряда образов, имеющих непосредственное отношение к Христу, делает всю ретардацию аллюзией на

ключевой для христианства смысл перехода через Красное море как аллегории крещения и ветхозаветной Пасхи как прообраза жертвы Христовой.

В пятом параграфе «Эпические темы и мотивы как средство создания эсхатологических образов» рассматриваются приемы описания гибели египтян в водах Красного моря, которые позволяют воспринимать эту сцену как общемировую катастрофу.

В «Исходе» возникают образы, соотносимые с Книгой пророка Аввакума и Откровением Иоанна Богослова и непосредственно связанные с христианской эсхатологией. Рассказ о природных стихиях (море и воздухе) как о причинах гибели египтян усилен за счет гипертрофированности образов. Появление символического описания дна моря как зеленого отсылает к Книге Премудрости Соломона, а также к древнегерманской традиции восприятия зеленого цвета как символа спасения.

Мотивы смерти и изгнания способствуют нагнетанию атмосферы трагизма и обреченности, позволяют провести различие между египтянами, лишенными спасительного пути, и израильтянами, обретшими его. Мотив пути, являющийся неотъемлемым составляющим темы смерти в древнеанглийской поэзии, по-новому прочитывается в христианском эпосе, возможно, за счет связи с другим важным текстом этого периода – «Предсмертной песнью Беды». В этой краткой парафразе фрагмента из Послания к Евреям (Евр. 10:31) смерть осмысливается как путь и повод для размышления о предстоящем суде над душой человека. Поскольку в святоотеческой традиции фараон понимается как аллегория дьявола, а египтяне – грехов, возможность спасения для них отсутствует, а их смерть в поэме «Исход» описывается как утрата пути. Это значительно отличает данный эпизод от описаний смерти в «Беовульфе», где это событие в жизни всех героев ассоциируется с указанием на путь.

Мотивы темы изгнания (указание на статус изгнанника и лишение его жизненных благ) появляются по отношению к израильтянам, возроптавшим на берегу Красного моря, а в заключительном эпизоде поэмы – по отношению ко всем людям, ожидающим Божьего суда, что позволяет придать описываемым событиям общечеловеческую перспективу.

В шестом параграфе «Эпическая тема как средство изображения покаяния» наибольшее внимание уделено рассмотрению эпической темы изгнания и принципам ее реализации в христианском эпосе.

Одним из приемов построения текста была эпическая тема, состоящая из ряда типичных мотивов. Культурной спецификой в древнеанглийской традиции обладала тема изгнания, мотивы которой могли возникать как разрозненно (в поэме «Исход» отдельные мотивы относятся к израильтянам, египтянам и всем людям), так и последовательно (в поэме

«Даниил» – по отношению к израильскому народу и царю Навуходоносору, в «Бытии» – по отношению к падшим ангелам, в поэме «Христос и Сатана» – по отношению к падшим ангелам и грешникам в аду).

В поэме «Даниил» эпическая тема изгнания позволяет сосредоточиться на характеристике психологического состояния персонажа (царя Навуходоносора). Повторение основных мотивов темы изгнания (обозначение статуса изгнанника, его эмоции, путь в изгнание, лишение жизненных благ) трижды на протяжении фрагмента, описывающего сумасшествие царя, раскрывает разные уровни психологического состояния героя: начало изгнания или сумасшествия, психологическое изменение (покаяние), и изживание болезни, своеобразный «выход» из изгнания.

В седьмом параграфе третьей главы «Эпитеты как средство психологической характеристики персонажей» рассматриваются основные разновидности эпитетов в христианском эпосе. За основу анализа принято расширенное понимание эпитета как именованного любого признака, наравне с красочными определениями учитываются именованные, заменяющие собой имена собственные (антономасия).

В христианском эпосе эпитеты служили идентификации персонажа, а также отражали изменения в сюжетной линии, подчеркивая изменение статуса и состояния персонажа.

Постоянные эпитеты в поэме «Даниил» не только функционируют как величальные, но и позволяют акцентировать внимание на психологическом состоянии героя. Так, эпитет *swiðmod* в тексте поэмы возникает по отношению к царю Навуходоносору в моменты его колебаний в своих убеждениях и непосредственного общения с людьми иной веры.

В заключительном параграфе третьей главы «Аллитерационные созвучия как средство этимологизации имени персонажа» анализируются случаи использования аллитерации имен собственных, отражающие традицию их этимологизации.

Для христианской традиции осмысления библейских образов было характерно толкование имен через их этимологизирование. В Кодексе Юниуса этимологическое истолкование могло возникать не только в форме эпитетов или разъяснений, но и на уровне устойчивых ассоциаций и аллитерационных коллокаций в контексте долгой строки. Имеющиеся устойчивые аллитерационные созвучия могли продолжать общехристианскую традицию. Но в ряде случаев в контексте древнеанглийского христианского эпоса создавались и собственные устойчивые ассоциации. Например, имя *Noe* чаще всего аллитерирует с именованием Бога как Спасителя, Охранителя (*Nergend*), что акцентирует внимание на типологической параллели (Ной – Христос), но не совпадает с известными этимологическими истолкованиями.

Наибольший интерес представляют случаи этимологизирования имени Даниил. Его ассоциация с этимологией «суд Божий» (Исидор Севильский и др.) происходит чаще всего в контексте долгой строки за счет аллитерации с лексемами *dom* и *drihten* или их производными. В ближайшем к имени контексте данные слова возникают не только как переводы библейских этимологических соответствий «судья/ суд» (Dan 150, 531, 547)¹² и «Бог» (Dan 735), но и в более широких своих значениях: *dom* – «слава» (Dan 163), «судьба» (Dan 654), а *drihten* – «господин» (Dan 593). Расширение этимологизации за счет многозначности древнеанглийских слов свидетельствует о том, что источником знаний о традиции этимологизации, вероятнее всего, был древнеанглийский текст.

Сравнение случаев этимологизирования данного имени в контексте всего памятника демонстрирует, что этот прием позволял актуализировать семантику образа персонажа. Образ пророка Даниила представляет собой персонализацию судьбы царя. Подобно тому, как отделение героя от своей судьбы в исландских сагах осмысливается как причина его несчастий, уклонение царя Навуходоносора от Божьей воли описывается как начало его бед в поэме «Даниил». В этот момент возникает пророк Даниил, функция которого в древнеанглийской поэме сводится к истолкованию снов и пророчеств, т. е. судьбы.

В целом, проведенный в третьей главе анализ повествовательных приемов эпоса, использованных в поэмах Кодекса Юниуса, показывает специфику их семантики, которая заключалась в осознанной ориентации на ряд составляющих словесной христианской культуры. При всем внешнем, формальном сходстве с героическим эпосом семантика приемов построения текста определяла своеобразие христианского эпоса как жанра.

В четвертой главе «Актуальные тексты, лирические и драматические фрагменты в составе поэм Кодекса Юниуса: проблемы жанрово-композиционного единства христианского эпоса» рассмотрены компоненты христианского эпоса, которые воспринимаются как вставные, отличные от общего эпического повествования.

В первом параграфе «Актуальные тексты: специфика осмысления в эпическом нарративе» анализируется проблема функционирования актуальных текстов или «малых» жанров в контексте христианского эпоса. «Актуальными» текстами или «малыми» жанрами в работе называются тексты перформативные, произнесение которых имеет своей целью изменение ситуации, поэтому анализ начинается с рассмотрения проблемы воздействия данных текстов на ситуацию.

¹² Здесь и далее текст поэм «Даниил» и «Азария» цитируются по изданию: Daniel and Azarias / Ed. with Introduction, Notes and Glossary by R.T. Farrell. London: Methuen, 1974. 139 p. с указанием номера строки и сокращением Dan – Daniel и Az – Azarias соответственно.

Запись древнеанглийской поэзии началась с «Гимна Кэдмона» – кратко хвалебного песнопения во славу христианского Бога. Принадлежность его к «малым» жанрам выявляется на уровне структуры, синтаксического и ритмического устройства (О. А. Смирницкая). Не менее значима и специфика его рецепции, которая дает возможность понять природу его актуального воздействия на ситуацию. Анализ Легенды о Кэдмоне показывает, что актуальный смысл «Гимна» определялся его связью с богослужебной последовательностью. «Чудо Кэдмона» состояло и в том, что он в поэтической форме синхронно на древнеанглийском языке «воспроизводит» богослужебный текст, не пребывая в храме, чем призывает все творения славить Бога.

Связь христианских песнопений и актуальных текстов просматривается и при анализе истории рецепции Песни трех отроков в Древней Англии: это песнопение, вероятнее всего, было широко известно в Средние века, есть свидетельства его использования англосаксами в магических целях.

Представление парафразы Песни трех отроков в поэме «Даниил» отражает ее связь с «актуальными» текстами. В контексте поэмы эпизод «Даниил Б» (Dan 279–408), содержащий переложения Песни Азарии и Песни трех отроков, воспринимается как вставной. Отличие его от основного повествования просматривается на ритмическом уровне (отсутствие гиперметрических строк), а также в структуре повествования. «Даниил Б» содержит ряд повторных рассказов об одном и том же событии – чудесном спасении отроков. Описание чуда с разных точек зрения уподобляет данный фрагмент драме или антифонному пению. При этом нарушается свойственный эпосу ретроспективный характер повествования.

Рассказ, аналогичный драматическому действию, только другого рода, есть и в поэме «Исход». Здесь описание чуда (разделении Красного моря) вложено в уста одного героя – Моисея. Песнь, которую он исполняет, значительно отличается от библейского прототипа (Исх. 15:1–19) и является не благодарственной песнью, а подобна заклинанию, под воздействием которого расходятся морские воды. В отличие от «Даниила», в «Исходе» описание чудесного явления содержится исключительно в «актуальном» тексте и не повторяется более ни в словах автора, ни в речах других героев.

Специфика «актуального» воздействия песни Моисея становится ясной при рассмотрении ее наименований. Это слова *leod* и *song/sang* – оба со значением «песнь», «сочинение, исполняемое под музыку». Данные обозначения появляются в древнеанглийском переводе «Церковной истории» по отношению к «Гимну Кэдмона» и песням его сотрапезников. Исторически *leod* родственно древнеисландскому обозначению магических песен (один из поэтических размеров назван *ljóða-háttir* – льодахатт (досл.

«размер магических песен»)). В тексте поэмы «Исход» данное наименование сохраняет мифопоэтические коннотации, оно употреблено в конструкции, которая позволяет рассматривать песнь в качестве субъекта. По отношению к песням Азарии и трех отроков слова *leod* и *song/sang* не используются.

Во втором параграфе «Актуальные тексты: жанрово-композиционные особенности в контексте христианского эпоса» структурные особенности песнопений, включенных в христианский эпос, соотносятся с эпическим контекстом, а также с «Гимном Кэдмона» и Кентским гимном.

В результате анализа в контексте христианского эпоса были выявлены две основные разновидности «малых» жанров. Первая была связана с богослужебными текстами. Это поэтические повествования о Сотворении мира (переложения Песни трех отроков из поэм «Даниил» и «Азария», «Гимн Кэдмона» и Кентский Гимн). Типологическое сходство этих текстов проявляется, прежде всего, на уровне структуры повествования, в них есть: (1) призыв славить Бога (повторяющийся несколько раз в переложениях Песни трех отроков и Кентском Гимне и выраженный всего в одной строчке в «Гимне Кэдмона»), а также (2) перечисление имен Бога и Его творений (на всем протяжении данных текстов) и (3) рассказ о Св. Троице. Причем перечисление Божьих творений выстраивается в последовательность, соответствующую истории Сотворения мира. Сходство столь разных текстов демонстрирует наличие определенной повествовательной модели рассказа о Боге и Его творениях. Эта модель оказывается весьма устойчивой и воспроизводится как в отдельных песнопениях, так и в составе эпического нарратива, в том числе при изложении латинских текстов языком древнеанглийской поэзии.

Отличает данную повествовательную модель адресация текста. Первая строка «Гимна Кэдмона» (др.-англ. *Nu (we) scylun hergan* – «Ныне должны мы восславить») в ряде рукописей (Cambridge University Library, MS. Kk. 5. 16 (“The Moore Bede”); London British Library Additional 43703; РНБ Lat.Q.v.I. 18.; Oxford Bodlean Library, MS. Tanner 10). не содержит личного местоимения, что позволяет прочитывать весь текст как адресованный не только молящимся людям, но и всем силам природы, творениям Божиим: «Ныне должны восславить/ Хранителя царства небесного, // Владыки могущество/ и Его мысль // дела (*var.* творения) славного Отца...»).

Неоднозначность адресации и возможность двоякого прочтения характерна и для призывов славить Бога, содержащихся в парафразах Песни трех отроков. Финитные глаголы, обозначающие призыв славить Бога, в этих текстах оканчиваются на *-ige / -ie* или на *-iad*. Особый интерес представляют формы, оканчивающиеся на *-ige / -ie*, в частности *bletsige*.

Используемая как соответствие латинскому *benedicite*, она может истолковываться как первое лицо единственного числа изъявительного наклонения, либо как единственное число сослагательного наклонения. Возможность вариативной грамматической трактовки данных глагольных форм позволяет интерпретировать текст 1) как обращение к Богу: «*De gebletsige, / bylywit fæder, // woruldcræfta wlite / and weorca gehwilc. //*» – «Тебя да прославит, / милосердный Отче, // мира краса / и из творений всякое. //» (Dan 362–363); или 2) обращение к силам природы (каждой в отдельности): «Да благословит тебя / милосердный Отец, // мира краса / и творение всякое» (Dan 362–363); или 3) описание действий самого молящегося: «*Bletsige þec, soðfæst cyning, / sunne ond monan*» – «Посвящаю Тебе, истинный Царь, / солнце и луну» (Az 77).

В повествовательной структуре парафраз важным было изменение временной отнесенности, варьирование объекта описания и специфический синтаксис. Для древнеанглийского стиха в целом было характерно несовпадение по размеру с фразой, использование «крюкового» стиля, при котором долгая строка заканчивалась на глагольную форму. В парафразах эта синтаксическая особенность нарушалась, финитные глаголы перемещались в начало долгой строки, а также появлялись эпифора и анафора.

К иной разновидности «малых» жанров, вероятнее всего, относилась песнь Моисея из поэмы «Исход». Она также имеет ряд характерных черт: 1) краткие по протяженности фразы; 2) двойная адресация (людям и силам природы); 3) упоминание «мифологического» прошлого; 4) наличие гномической формулы – правила поведения; 5) сложная аллитерационная структура (двойная и тройная аллитерация, объединяющая слова в пределах 2–3 долгих строк); 6) паронимическая аттракция; 7) симметричное деление на две части (разделение вод Красного моря в первой части описывается как природное явление, а во второй – как результат действия Божией воли).

В третьем параграфе «Лирические и драматические фрагменты в контексте поэм Кодекса Юниуса» рассмотрены фрагменты поэм «Бытие» и «Христос и Сатана», в которых повествование ведется от лица персонажей.

Часть поэмы «Бытие», которая носит название «Бытие Б» (Gen 235–851) и возводится исследователями к древнесаксонскому оригиналу, представляет особый интерес с точки зрения ее включения в общий нарратив, поскольку она содержательно повторяет описание отпадения Сатаны и его ангелов из предыдущей части поэмы («Бытие А»). На наш взгляд, важнейшим в соединении этих двух частей поэмы «Бытие» оказывается принцип нагнетания, который реализуется через изложение конфликта сначала как исторического события (в словах автора), а затем – как драматического (через прямую речь персонажей). Причем в

«Бытии А» и «Бытии Б» различные по духу и форме описания развернуты и могут восприниматься как самостоятельные тексты.

Важной особенностью представления драматических фрагментов в «Бытии» было использование мотивов перебранки, которая представлена иначе, чем в героическом эпосе. В «Бытии» перебранка не приводится прямо, лишь ориентация на эту ситуацию просматривается в специфике конфликта между Сатаной и Богом: Сатана своими речами пытается принизить достоинство Бога, а Он, не вступая в прямой диалог, наказывает своего противника конкретными действиями (отправляет в ад). Конец словесной перебранки – ответ Христа Сатане содержится только в поэме «Христос и Сатана».

В речах Сатаны в «Бытии» используются принципы параллелизма и нарастания. В них происходит изменение пространственно-временной точки зрения: в первой части каждой речи содержится рассказ о состоянии героя (описывается его настоящее положение), вторая – последовательно описывает то, чего он не имеет, но хочет иметь. Схожая ситуация и аналогичные речи, предполагавшие изменение пространственно-временной точки зрения, содержатся в «Речах Гримнира». Гримниру (*Одину*) удастся за счет них осуществить желаемое и спастись. Сатане же удастся направить одного из своих слуг к людям.

Речи падших ангелов в поэме «Христос и Сатана» могут быть условно рассмотрены как лирические фрагменты, за счет сходства с древнеанглийскими элегиями, которое заметно на уровне конкретных приемов, обеспечивающих нагнетание эмоций: 1) повторяющиеся конструкции (предложения, начинающиеся с междометия *Eala* – «Увы!», ряд строк, начинающихся с отрицательной частицы *ne*, и др.); 2) модальные глаголы, обозначающие противопоставление того, что герой должен делать и того, что он делать не может; 3) риторический вопрос-сожаление; 4) противопоставление ада и рая. В отличие от элегий («Морестранник», «Скиталец»), в христианском эпосе осмыслена причина изгнания – грех.

Дидактическая направленность христианского эпоса заметна и в речи Христа, обращенной к Сатане в сцене искушения в пустыне («Христос и Сатана»). В ней Христос раскрывает свое божественное достоинство и побеждает тем самым дьявола. Несоответствие этой речи библейскому прототипу, где божественная природа Христа остается скрытой от Сатаны, отражает дидактический характер речевых эпизодов в эпосе, а также специфику их обращенности одновременно к герою и слушателю эпоса.

Глава 5 «Христианский эпос англосаксов и проблема осмысления истории» посвящена проблеме соотношения христианского эпоса с историческим прошлым.

В первом параграфе «Библейские топосы в христианском эпосе и церковной историографии: пути осмысления исторического прошлого» христианский эпос соотносится с жанром церковной историографии.

Эпос традиционно считается формой осмысления истории, где события прошлого особым образом переосмысливаются. Запись эпического наследия происходила в ту эпоху, когда у англосаксов уже существовал жанр, описывающий историческое прошлое, – церковная историография. Он был представлен двумя крупными сочинениями: «О гибели Британии» (середина VI века) Гильды (Гильдаса) Премудрого и «Церковная история народа англос» (окончена в 731 году, древнеанглийский перевод 871–879 гг.) Беда Досточтимого. Последняя широко использовала материал первой и была весьма популярна. Церковная историография предполагала видение собственного прошлого сквозь призму Библии. А христианский эпос – видение Библии сквозь призму эпоса. Сопоставление этих жанров позволяет говорить о том, что ряд образов и мотивов Библии осмысливался не только как часть отдаленного во времени и пространстве прошлого «народа Божия», но и ассоциировался с эпизодами собственной истории.

Наиболее яркие общие образы церковной историографии и христианского эпоса связаны с Книгой Исход. Гильда и Беда приводят письмо британцев к Агицию (римский полководец Флавий Аэций) с просьбой о помощи, где их положение описывается подобно положению израильтян на берегу Красного моря (Исх. 14:11–12). В исторических сочинениях библейская аллюзия позволяет сравнить бриттов с возроптавшими в пустыне израильтянами. В «Исходе» ропот израильтян и их страх смерти описаны как утрата надежды на обретение вотчинного надела (одаля). Такое иносказание продиктовано необходимой в эпосе героизацией. Страх смерти в эпосе описан позже по отношению к гибнущим в водах Красного моря египтянам, он служит осуждению их трусости.

Рассказ о страданиях первомученика Альбана Британского в историографии содержит ряд аллюзий на историю Моисея: он вместе с уверовавшими в Бога людьми переходит реку по сухому дну, а затем восходит на холм, где по его молитвам начинает бить источник воды. Эта сцена перекликается с рассказом о переходе через Красное море из поэмы «Исход».

Описание страны как приятного места (*locus amoenus*) было общим топосом церковной историографии разных народов. Аналогичный рассказ о Британии находим в сочинениях Гильды и Беда. Однако у бриттского историка возникает также сравнение с убранной к браку невестой, что рождает ассоциации с Апокалипсисом, где Небесный Иерусалим сравнивается с невестой Агнца (Откр. 21:1–4). В Кодексе Юниуса нет описания Земли обетованной, но в поэме «Исход» после перехода через Красное море возникает

аллегорический образ жены или девы (*Ebrisc/ Æfrisc meowle* – «еврейская/ африканская жена/ дева» (Ex 547)), под которой может подразумеваться жена Моисея Сепфора, или его сестра, пророчица Мариам. В экзегетической традиции эти героини истолковываются как прообразы христианской Церкви, которая в Апокалипсисе описана как невеста Агнца.

Сходство ряда топосов христианского эпоса и церковной историографии позволяет говорить, что библейские образы были неразрывно связаны с представлениями англосаксов о собственной истории.

Во втором параграфе «Принципы оценки исторического прошлого в христианском эпосе» анализируются приемы осмысления истории в христианском эпосе.

Ключевым моментом осмысления исторического прошлого является формирование представлений о народе как единстве. Описание народа англов как «народа Божия» было последовательно проведено в «Церковной истории» Беды Досточтимого, хотя современные историки расходятся во мнениях относительно реальности существования такого народного единства во времена Беды.

В христианском эпосе наибольшее внимание народу как единству уделено в поэме «Исход». Противопоставление израильтян и египтян в сцене сражения и подготовки к сражению выражено недостаточно четко, этнонимы этих народов употребляются редко. Два обозначения: «моряки» (*sæmen*) и «землежители» (*eorðbuende*) – позволяют противопоставить два народа. Среди других этнонимов заслуживает внимания слово *Giðmyrce* – «воинственные жители приграничных земель» (Ex 59). Созвучие данного этнонима с обозначением Мерсии (*Mierce*) могло рождать ассоциации с временами короля Мерсии Оффы, известного своими военными победами. Ряд этнонимов с корнем *inc(g)e-* может быть рассмотрен как обозначение народа, поклонявшегося языческому богу Ингве-Фрейру. То есть наименования народов в контексте поэмы «Исход» могли относиться не только к библейским народам, но и к народам, заселявшим Британские острова, и ассоциироваться с событиями собственной истории.

Важным аспектом понимания истории было обобщение ряда событий прошлого. Пролог поэмы «Даниил» (завершенный и симметрично организованный фрагмент) содержит описание и осмысление большого исторического промежутка (от исхода из Египта до вавилонского плена). Он использует ряд мотивов покаянных песнопений (Божие благоволение, дарование Богом всех благ, отпадение от Бога и др.). Однако здесь нет точных заимствований из христианской гимнографии, где вышеприведенные мотивы входили в состав текстов лирических, основная цель которых покаяние, сожаление о своих грехах или/и прославление Бога, благодарение Ему. В эпосе мотив покаяния опускается, а центральным

является топос *translatio imperii*, т. е. представление о том, что государственная власть уходит из рук недостойных правителей.

Существенным в оценке исторического прошлого является отношение к героическому идеалу. В целом он поддерживается в христианском эпосе: это и образы мудрого правителя (Бог в поэме «Бытие»), и полководца (Моисей в «Исходе»), и военной дружины (ангельское воинство в «Бытии», израильтяне в «Исходе»). В «Данииле» автор видит «корень зла» и причину нравственного разложения израильтян и вавилонского царя в таких атрибутах героического мира как похвала перед битвой и винопитие. Здесь выбран тот аспект героического поведения, в изображении которого заметно смещение нравственных ориентиров по сравнению с героическим идеалом, а потому большая часть поступков героев требует разъяснения, комментариев и оценки с позиций новой религии.

В третьем параграфе «История как пророчество в христианском эпосе» осмысливаются те аспекты поэм Кодекса Юниуса, которые позволяют соотносить их с традицией истолкования и осмысления пророчеств.

В Кодексе Юниуса представлен сюжет Книги пророка Даниила, но пророчества о судьбах мира, изложенные в ней и популярные в Средние века, практически не пересказываются. Возникает лишь описание сна царя Навуходоносора о древе, а также истории его исполнения. Однако ряд сюжетно-композиционных особенностей поэмы «Даниил» заставляет воспринимать все события, в ней описанные, как аналоги пророчеств.

Заканчивается поэма произнесением Даниилом пророчества о скорой гибели Вавилона. Оборванный финал, отсутствие описания исполнения этого пророчества делает картину происходящего еще более страшной и заставляет аудиторию мысленно вернуться к другим аналогичным историям, изложенным в поэме (рассказам об израильском народе, который оказался в плену у царя Навуходоносора, о самом царе, пережившем изгнание и духовное перерождение).

Сближает поэму «Даниил» с традицией истолкования пророчеств принцип логической завершенности отдельных ее глав (уникальный как для Кодекса Юниуса, так и для древнеанглийской поэзии в целом). Каждая глава «Даниила» посвящена отдельному сюжету, а логически они соединены по кольцевому принципу.

Принцип логической завершенности отдельных фрагментов повествования замечен и в «Толковании на Книгу пророка Даниила» свт. Ипполита Римского. Древнеанглийскую поэму сближает с данным экзегетическим сочинением также истолкование отдельных моментов библейского текста: 1) душевная болезнь Навуходоносора представлена в обоих текстах как странничество, изгнание, причиной которого является гордыня; 2) первый сон

царя об истукане описан без конкретных деталей, лишь с точки зрения его пророческого значения (в поэме «Даниил» говорится, что это сон об «обновленном творении», у Ипполита Римского это сон о том, что «должно произойти в последние дни»).

Логика соединения трех частей поэмы «Христос и Сатана» противоречит хронологическому принципу. Последняя, третья часть поэмы, описывающая искушение Христа в пустыне, хотя хронологически и должна была предшествовать второй части, логически замыкает весь Кодекс и содержит завершение темы противостояния Бога и дьявола. Она ориентирована на первую поэму Кодекса Юниуса «Бытие». В этой композиционной замкнутости заметно стремление к оформлению рукописи как логически целостного нарратива.

Поэмы Кодекса Юниуса строились с использованием приема *exempla*, который предполагал нанизывание историй-примеров, подтверждающих определенную идею. При этом происходило соединение ряда историй разного размера и содержания, нравственный смысл, оценка событий в которых либо включается в сам рассказ (части поэм «Даниил» и «Христос и Сатана»), либо возникает только в его заключении (поэма «Исход»). Такие приемы, как вставные драматические компоненты («Бытие Б», «Даниил»), оборванный финал («Даниил»), нарушение хронологической последовательности («Христос и Сатана»), а также логическая завершенность отдельных главок («Даниил») и нераскрытая аллегория («Исход») позволяли относить изложенные в Кодексе Юниуса истории не только к прошлому, но и будущему, то есть воспринимать их как аналоги пророчеств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках данного исследования христианский эпос был рассмотрен как самостоятельный жанр в сравнении с другими жанровыми формами поэзии англосаксов. Применение теоретических подходов, выработанных в литературоведении, позволило точнее определить содержание термина «христианский эпос». Новаторство данной работы заключалось в применении для описания средневекового жанра критериев, выработанных на материале исследования фольклора и эпоса как рода литературы, а также в сравнении жанров христианского и героического эпоса.

Важным для понимания культурно-исторических условий существования христианского эпоса было осмысление проблемы авторства поэм Кодекса Юниуса в контексте представлений об авторе-авторитете как знаке жанра и стиля, выработанных в

рамках теории стадийного развития литературного процесса¹³. Хотя древнеанглийская поэзия на библейские и агиографические сюжеты и создавалась в ту эпоху, которую называют традиционалистической, она сохраняла представления об авторстве, характерные для архаической эпохи (и тем самым продолжала библейскую традицию).

Последовательный анализ особенностей использования и семантики приемов организации текста вообрал в себя основные достижения исследований древнеанглийской поэтики и наметил пути их изучения с точки зрения выражаемой семантики. Принципы построения эпического текста (зачины, эпическая вариация, эпические темы, эпитеты, аллитерационные созвучия, ретардации) в христианском эпосе использовались для выражения новых смыслов. Многозначность высказывания, свойственная эпосу, не только не снималась, но усиливалась за счет ассоциаций, связанных с экзегетической традицией прочтения сюжетов и образов Священной истории.

Исследование показало укорененность жанра христианского эпоса в поэтической традиции англосаксов, не только его связь с героическим эпосом, «малыми» жанрами, обладающими общегерманскими корнями, жанром элегии, но и с латинскими библейскими переложениями, церковной историографией, толкованиями библейских книг, трактатами по риторике, средневековыми энциклопедиями. Не менее значительно было и влияние текстов, используемых в христианской молитвенной практике.

Существенным для понимания жанрово-композиционной природы поэм Кодекса Юниуса был анализ включенных в него актуальных текстов. Воспроизведение «малых» жанров, типологически восходивших к жанрам языческой магии, в христианском эпосе было естественным следствием «памяти жанра». При этом древние, архаические модели использовались для живого, доступного изложения христианской догматики.

Архаическая природа христианского эпоса англосаксов выявляется за счет наличия фрагментов, которые можно называть лирическими и драматическими. Включение этих компонентов в эпический нарратив предполагало «взаимоосвещение авторского и чужого слова»¹⁴, характерное для эпоса. Не менее существенным признаком принадлежности христианского эпоса к живой эпической традиции является его связь с традицией осмысления исторического прошлого.

Описание христианского эпоса как самостоятельного жанра позволяет дополнить наши представления об истории развития английской литературы. Тексты Кодекса Юниуса запечатлели на письме наиболее существенный период развития, расцвет эпического жанра и

¹³ *Аверинцев С. С. и др.* Категории поэтики в смене литературных эпох. С. 3–38.

¹⁴ *Тамарченко Н. Д.* Эпика. С. 227.

одновременно расцвет экзегетической традиции англосаксов. Органическая сращенность языка и стиля этой традиции предполагала угасание второго при существенных изменениях первого, произошедших после нормандского завоевания.

В среднеанглийский период христианский эпос стал уступать свое место иным жанрам, многие из которых восходили к континентальной литературе. Хотя популярность эпоса долгое время сохранялась, в среднеанглийский период место библейских сюжетов заняли сюжеты античной истории. Использование аллегии в среднеанглийский период предполагало уже не ориентацию на экзегетическую традицию, а часто прямое нравоучение и наставление. Поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай» и «Возвращенный рай» можно назвать возвращением к характерной для христианского эпоса традиции осмысления Библии. Они также ориентированы на психологическую мотивировку поступков персонажей. Эпическая по масштабу диалогия Дж. Мильтона на уровне композиции, как и поэмы Кэдмона, не предполагала следования хронологии библейских книг. Но, в отличие от древнеанглийского христианского эпоса, она не ориентирована на экзегезу, а героика «Потерянного рая» и «Возвращенного рая» по своей природе не схожа с героикой архаического эпоса.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях

Статьи в изданиях, включенных в международные базы цитирования:

1. Yatsenko, M. «Cædmon's Hymn» in the Context of the Old English Christian Poetry (with special reference to the Song of the Three Youths) / M. Yatsenko // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR)*. 45th International Philological Conference (IPC 2017). – 2017. – Vol. 122. – P. 120–123. <http://www.atlantispress.com/php/pub.php?publication=ipc-17>. – 0,2 п.л. (WoS).

2. Яценко, М.В. Филологический перевод: проблемы и перспективы (из опыта перевода древнеанглийских переложений Библии «Исход» и «Даниил») / М.В. Яценко // *Studia Litterarum: Науч. журн.* – 2019. – Т. 4, № 1 – С. 10–27. (WoS, Scopus, ВАК).

Статьи в изданиях, рекомендованных в перечне ведущих периодических изданий ВАК при Минобрнауки России:

3. Яценко, М.В. Древнеанглийские поэтические переложения Библии в аспекте теории вторичных текстов (к проблеме функционирования иудео-христианской культуры в англосаксонском обществе) / М.В. Яценко // *Личность. Культура. Общество.* – 2006. – Том 8, Спец. выпуск 1 (33) (Декабрь). – С. 338–344.

4. Яценко, М.В. О некоторых библейских параллелях легенды о поэте Кэдмоне / М.В. Яценко // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2014. – Том 20, Основной выпуск № 3 (Май-Июнь). – С.163–166.

5. Яценко, М.В. Поэтическое осмысление народа в англосаксонской библейской парафразе "Исход" на материале анализа глав II–IV поэмы "Исход" / М.В. Яценко // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. – 2014. – Вып. 75 (1–2). – С. 236–254.

6. Яценко, М.В. Древнеанглийская поэма "Исход" [Кэдмон? "Школа Кэдмона"?] Главы II–IV (пер. и коммент. М.В. Яценко) / М.В. Яценко // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. – 2014. – Вып. 75 (1–2). – С. 255–261.

7. Яценко, М.В. О древнеанглийской поэме «Исход» / М.В. Яценко // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. – 2014. – Вып. 4 (39). – С. 149–154.

8. Яценко, М.В. Древнеанглийская поэма «Исход» Глава VIII (пер. и коммент. М.В. Яценко) / М.В. Яценко // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. – 2014. – Вып. 4 (39). – С. 154–163.

9. Яценко, М.В. Принципы создания религиозного эпоса англосаксов (на материале поэмы «Исход») / М.В. Яценко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Филология, журналистика. – 2014. – № 4. – С. 71–76.

10. Яценко, М.В. Особенности рецепции библейской книги Исход в древнеанглийской поэме "Исход" и в латинском переложении "О переходе через Красное море" Авита Вьеннского / М.В. Яценко // Известия высших учебных заведений. Серия Гуманитарные науки. – 2014. – Т.5, Вып. 4. – С. 328–333.

11. Яценко, М.В. Nomina dicendi в древнеанглийских «поэмах Кэдмона» (к вопросу о рецепции христианской гимнографии англосаксами) / М.В. Яценко // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIX. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И.М. Тронского. 22–24 июня 2015 г. – СПб.: ИЛИ РАН. – 2015. – С.1051–1060.

12. Яценко, М.В. Древнеанглийская поэтическая парафраза «Даниил»: уровни рецепции библейского Писания и Предания / М.В. Яценко // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIX. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И.М. Тронского. Материалы Международной конференции, проходившей 20–22 июня 2016 года. – СПб.: ИЛИ РАН. – 2016. – С. 1062–1078.

13. Яценко, М.В. Древнеанглийская поэма «Даниил» в контексте Кодекса Юниуса / М.В. Яценко // Вестник КГУ. – 2016 – №6 (Ноябрь-декабрь). – С. 64–68.

14. Яценко, М.В. Тема изгнания в древнеанглийской библейской парафразе «Даниил» / М.В. Яценко // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXI (чтения памяти И.М. Тронского). Материалы международной конференции, проходившей 26–28 июня 2017. – СПб.: ИЛИ РАН. – 2017. – С. 950–960.

15. Яценко, М.В. Способы создания образа царя Навуходоносора в древнеанглийской поэме «Даниил» / М.В. Яценко // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2017 – №3. – С. 99–104.

16. Яценко, М.В. Древнеанглийские переложения Песни трех отроков из поэм «Даниил» и «Азария» (принципы поэтического парафразирования) / М.В. Яценко // Известия Смоленского государственного университета. – 2018. – № 1 (41). – С. 47–63.

17. Яценко, М.В. Парафразы песни трех отроков в древнеанглийских поэмах «Даниил» и «Азария» (предисловие, перевод, комментарий) / М.В. Яценко // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. – 2018. – Вып. 54. – С. 97–108.

18. Яценко, М.В. Древнеанглийский христианский эпос: проблемы жанра / М.В. Яценко // Вестник СПбГУТД. Серия 2 Искусствоведение. Филологические науки. – 2018. – №2. – С. 122–128.

19. Яценко, М.В. Древнеанглийская поэма «Даниил»: особенности жанра христианского эпоса / М.В. Яценко // Вестник КГУ. – 2018. – Том 24, №2. – С. 80–85.

Научные материалы, опубликованные в других изданиях:

20. Яценко, М.В. Древнеанглийская поэма «Исход» и библейская книга Исход: проблемы поэтической трансформации источника / М.В. Яценко // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. XXI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто, Москва, 14-17 апреля 2009 г. Материалы конференции. – М.: ИВИ РАН, 2009. – С. 361–365.

21. Яценко, М.В. Образ пророка Моисея в поэтическом сознании англосаксов (на материале древнеанглийской библейской парафразы «Исход») / М.В. Яценко // Cursor Mundi. Человек Античности, Средневековья и Возрождения. Вып. 2. – Иваново: Ивановский государственный университет. – 2009. – С. 9–21.

22. Яценко, М.В. Специфика образа автора и авторской активности в условиях неосознанного авторства (на материале древнеанглийской поэтической библейской парафразы "Исход") / М.В. Яценко // Феномен творческой личности в культуре. Фатющенковские чтения. Материалы V международной конференции. В 2т. Т.2. – М.: МГУ, 2012. – С. 94–100.

23. Яценко, М.В. Древнеанглийская поэма "Исход". Отрывок. Глава 1 (Пер. с древнеангл. и коммент. Яценко М.В.) / М.В. Яценко // *Cursor Mundi*. Человек Античности, Средневековья и Возрождения. Вып. 6. – Иваново: Ивановский государственный университет. – 2014. – С. 131–137.

24. Яценко, М.В. Поэтическое осмысление Ветхого Завета в Древней Англии (на материале нарратологического анализа поэмы "Исход") / М.В. Яценко // *Cursor Mundi*. Человек Античности, Средневековья и Возрождения. Вып. 6. – Иваново: Ивановский государственный университет. – 2014. – С. 119–130.

25. Яценко, М.В. Древнеанглийская поэма "Исход" Глава VI (пер. с древнеангл. и коммент. М.В. Яценко) / М.В. Яценко // *Cursor Mundi*. Человек Античности, Средневековья и Возрождения. Вып. 7. – Иваново: Ивановский государственный университет. – 2015. – С. 174–182.

26. Яценко, М.В. Особенности жанра древнеанглийской поэмы «Исход» [Электронный ресурс] / М.В. Яценко // Материалы III конференции молодых ученых и аспирантов. Новые российские гуманитарные исследования. – 2016. – Вып. 11. – Режим доступа: <http://nrgumis.ru/> – (Время доступа: 10.10.21).

27. Яценко, М.В. Образы праотцев в контексте древнеанглийской библейской парафразы "Исход" / М.В. Яценко // *Cursor Mundi*. Человек Античности, Средневековья и Возрождения. Вып. 7. – Иваново: Ивановский государственный университет. – 2015. – С. 164–173.

28. Яценко, М.В. Древнеанглийская поэма "Исход". Глава V (Пер. с древнеангл. и коммент. Яценко М.В.) / М.В. Яценко // *Cursor Mundi*. Человек Античности, Средневековья и Возрождения. Вып. 8. – Иваново: Ивановский государственный университет. – 2016. – С. 128–134.

29. Яценко, М.В. Речи Моисея в контексте древнеанглийской поэмы "Исход" / М.В. Яценко // *Cursor Mundi*. Человек Античности, Средневековья и Возрождения. Научный альманах, посвященный проблемам исторической антропологии. Вып. 8. – Иваново: Ивановский государственный университет. – 2016. – С. 109–127.

30. Яценко, М.В. Эпитет в древнеанглийской поэме «Даниил» (к вопросу о трансформации эпического стиля в древнеанглийских библейских переложениях) / М.В. Яценко // Вестник гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича. – 2016. – № 8. – С. 237–241.

31. Яценко, М.В. Христианская гимнография в контексте древнеанглийских поэм «Даниил» и «Азария» / М.В. Яценко // Вестник ИВГУ. Сер. Филология. – 2017. – Вып. 1(17). – С. 26–32.

32. Яценко, М.В. Своеобразие повествования в древнеанглийской поэме "Даниил": проблемы интерпретации / М.В. Яценко // Художественное слово в пространстве культуры: интермедиальность в контексте исследований зарубежной литературы. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2017. – С. 171–179.

33. Яценко, М.В. Пролог древнеанглийской поэмы «Даниил» (специфика использования приемов эпического нарратива в христианском эпосе) / М.В. Яценко // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2017. – № 1 (17). – С. 100–111.

34. Яценко, М.В. Древнеанглийская поэма «Daniel» (глава 1, строки 1–32). Перевод на русский язык и комментарии (язык оригинала – древнеанглийский) / М.В. Яценко // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. – 2017. – № 1 (17). – С.166–172.

35. Яценко, М.В. Пир и винопитие в древнеанглийской поэме «Даниил» (осмысление ценностей героического мира в христианском эпосе англосаксов) / М.В. Яценко // Cursor Mundi. Человек Античности, Средневековья и Возрождения. Вып. 10. – Иваново: Ивановский государственный университет. – 2018. – С. 92–101.

36. Яценко, М.В. Древнеанглийская поэма «Даниил». Глава 6. Пир Вальтасара/ Пер. с древнеангл. и коммент. М.В. Яценко / М.В. Яценко // Cursor Mundi. Человек Античности, Средневековья и Возрождения. Вып. 10. – Иваново: Ивановский государственный университет. – 2018. – С. 102–108.

37. Яценко, М.В. Нарративные стратегии древнеанглийского христианского эпоса (на материале зачина в поэмах Кодекса Юниуса)» / М.В. Яценко // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXII (чтения памяти И.М. Тронского). Материалы международной конференции, проходившей 18-22 июня 2018. – СПб.: ИЛИ РАН. – 2018. – С. 1454–1466.

38. Яценко, М.В. «Гимн Кэдмона» и «поэмы Кэдмона» в контексте древнеанглийской христианской гимнографии / М.В. Яценко // Христианская гимнография: история и современность. Коллективная монография /Отв.ред. М.Р. Ненарокова. – М.: ИМЛИ РАН, 2019. – С. 99–118.

39. Яценко, М.В. «Малые» жанры в контексте древнеанглийского христианского эпоса (преимущественно на материале поэм Кодекса Юниуса) / М.В. Яценко // Атлантика: Записки по исторической поэтике. Выпуск XVI / Отв. редактор Т.А. Михайлова. – М.: МАКС-ПРЕСС, 2019. – С. 54–73.

40. Яценко, М.В. Этимологизация имени в христианском эпосе англосаксов (на материале поэмы «Даниил») / М.В. Яценко // Вестник гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича. Специальный выпуск, посвященный XXI Международному Балтийскому коммуникационному форуму 4-5 декабря 2020 года. № 12. – СПб.: СПбГУТ, 2020. – С. 438–443.

41. Яценко, М.В. Нарративные стратегии древнеанглийского христианского эпоса (на материале зачина в поэмах Кодекса Юниуса)» / М.В. Яценко // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXII (чтения памяти И.М. Тронского). Материалы международной конференции, проходившей 18-22 июня 2018. – СПб.: ИЛИ РАН. – 2018. – С. 1454–1466.

42. Яценко, М.В. Поэтика древнеанглийского христианского эпоса: приемы передачи аллегорических смыслов библейского сюжета в поэме «Исход» / М.В. Яценко // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXIV (чтения памяти И.М. Тронского). Материалы международной конференции, проходившей 22–24 июня 2020. – СПб.: ИЛИ РАН. – 2020. – С. 325–338.

43. Яценко, М.В. Мотивы смерти и изгнания в древнеанглийской поэме «Исход»: принципы использования приемов эпического повествования в христианском эпосе / М.В. Яценко // Индоевропейское языкознание и классическая филология XXV (2) (чтения памяти И.М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 21–23 июня 2021 г. – СПб.: ИЛИ РАН. – 2021. – С. 1297–1310.

44. Яценко, М.В. Образ Сатаны в христианском эпосе англосаксов: к вопросу о возможности сравнительного изучения древнеанглийской поэмы «Бытие» и «Потерянного рая» Дж. Мильтона / М.В. Яценко // Герой и антигерой как объекты сравнительного литературоведения: межвуз. сб. науч. статей, посвящ. памяти А.А. Чамеева / Отв. ред. И.И. Бурова. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2021. – С.213–225.